

ПЕРВАЯ РАБОТА ОБ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ЛИТВЕ

К. В. АГІВАЗЯН

В 1894 году литовский журнал «Варпас» («Колокол»), издававшийся в Тильзите¹, опубликовал в пяти своих номерах—3, 5, 8, 10 и 12—обширную статью под названием «Армянские беллетристы». Она была подписана псевдонимом Айшбе, под которым скрывался известный литовский писатель Антанас Кришюкайтис. Статья эта примечательна не только как первый известный нам отклик литовской литературно-критической мысли на явления армянской литературы, но и теми широкими сопоставлениями и аналогиями между литовской и армянской действительностью, которые в ней проводятся. Именно эти обстоятельства определили большую популярность статьи А. Кришюкайтиса-Айшбе, вошедшей позднее целиком в школьную хрестоматию по литературе «Варго Мокикла» («Горестная школа») и служившей долгие годы — вплоть до появления в буржуазной Литве в 1933 г. «Энциклопедии» с очерками об истории Армении, ее языке, литературе, искусстве, армянском вопросе и истории армянской церкви — единственным источником сведений об армянских классиках для широких слоев литовского народа.

Напечатанная 70 лет тому назад в нелегальном органе статья А. Кришюкайтиса, по понятным причинам, не была доступна армянскому читателю. Упоминание о ней встречается лишь в путевых записках Г. Эмина², посетившего в 1947 г. Литву. В ней сказано, что А. Кришюкайтис подробно ознакомил своих соотечественников с творчеством Х. Абовяна и Раффи и дал краткое содержание и анализ их произведений. Полный ее текст стал известен лишь в последнее время благодаря содействию директора Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР академика К. П. Корсака и старшего научного сотрудника того же института К. К. Довейко, организовавшим перевод статьи А. Кришюкайтиса на русский язык, который был осуществлен Дануте Страускайте.

Это обстоятельство — незнание армянских литературоведов, занимающихся изучением литературных взаимосвязей, с одной стороны, и значительность самой статьи А. Кришюкайтиса, с другой, — вызывает необходимость более подробного изложения ее содержания и частых цитаций, а также некоторых справок информационного характера как о самом авторе и его эпохе, так и о поводах, послуживших основанием для ее написания.

Родился А. Кришюкайтис 24 июля 1864 года в Вилкавишском уезде в дер. Паежеряй в семье зажиточного крестьянина. Учился в Мариямпольской гимназии (теперь Капсукас) и на юридическом факультете Московского университета. В годы учебы сотрудничал в газетах «Аушра» («Заря»), «Швеса» («Свет»), «Нямуно саргас» («Часовой Нямунаса»), «Варпас» («Колокол») и других органах либерального направления. Затем некоторое время был чиновником в России, а с 1919 г. служил в судебных органах Литвы, преподавал правоведение в Каунасском университете. Умер 30 октября 1933 г. в Каунасе.

¹ После запрета, наложенного русским царизмом в 1864 г. на литовскую печать на латинском алфавите, периодика и вся литовская литература вплоть до 1904 г. печаталась за границей.

² См. Г. Эмин, Армяно-прибалтийские литературные связи, «Гракан терт», 1947, от 28 февраля.

Свою литературную деятельность А. Кришюкайтис начал со стихов, но наибольшую известность ему принесли рассказы. Первый сборник «Что верно, то не ложь» издан в 1892 г. Глубокая типизация действительности, образный язык его рассказов обогатили реалистическую литовскую литературу XIX века. Плодотворно трудился он и как переводчик, дав отличные образцы переводов Л. Толстого, И. Тургенева, Г. Мопассана, повести М. Иокая, изображавшей сельскую жизнь.

Поводом для написания А. Кришюкайтисом-Айшбе статьи «Армянские беллетристы» послужил выход в свет в 1883 г. первого тома сборника под тем же названием под редакцией Юрия Веселовского и Минаса Берберяна³. В него были включены отдельные главы из произведений Х. Абовяна, П. Прошяна, Раффи, Р. Патканяна, А. Пароняна, Церенца и Г. Агаяна. Кроме небольшого общего предисловия, о каждом из перечисленных армянских писателей были даны биографические очерки, принадлежавшие в основном перу его редакторов.

Публикация сборника вызвала ряд откликов в русской и армянской периодике. В целом положительные рецензии появились в «Русских ведомостях», «Русском листке», «Русской мысли», «Новом обозрении», «Нор даре» и других органах. С похвальным отзывом в журнале «Вестник Европы» (1893, № 2) выступил один из крупных литературоведов академик А. Н. Пыпин⁴. Можно без преувеличения сказать, что издание книги явилось событием в литературной жизни и привлекло к себе внимание русской общественности. Во всяком случае, весь его тираж разошелся очень быстро.

Еще больше подогрело интерес к сборнику запрещение цензурой второго тома «Армянских беллетристов», уже отпечатанного и широко объявленного, но затем сожженного по распоряжению министра внутренних дел Дурново 31 мая 1894 г. в Москве. Как о том докладывал цензор Назаревский, крамола книги заключалась в стремлении составителей сборника показать армянских писателей «близкими тому литературному уровню, на коем стоят представители нашей литературы и других народов», вменить им — армянским писателям — «в заслугу их прогрессивное направление, их народничество, их симпатии к молодому поколению, отвращение ко всякому гнету до экономического включительно, новаторство и т. д.»⁵. Не последнюю роль в преследовании второго тома сыграл армянский патриотизм, «задевавший и обижавший», по мнению власти имущих, султанскую Турцию.

Все перипетии этой истории, связанные с изданием сборника, получили огласку и, видимо, стали известны А. Кришюкайтису. В последнем нас убеждает не только его пребывание в те годы в Москве, но и род занятий — служба в органах юстиции, непосредственно соприкасавшаяся с подобными делами, а также общая тенденция написанной им статьи и ее публикация под псевдонимом за пределами России.

Но это, так сказать, могло послужить лишь внешним поводом, чтобы вызвать интерес литовского писателя к армянской литературе. Имелись другие, более веские основания, побудившие его выбрать предметом своих размышлений творчество армянских писателей.

Известно, что по третьему разделу Речи Посполитой (1795) большая часть Литвы была присоединена к России, что, несомненно, имело прогрессивное значение для литовского народа: был перекрыт путь дальнейшей агрессии юнкерской Пруссии, ускорилось промышленное развитие страны и капиталистических отношений в ней; литовская литература и культура вступили в тесные взаимосвязи с передовой русской общественной мыслью, создались условия для объединения усилий трудящихся Литвы и России для борьбы против царизма. Наряду с этим, кризис феодально-крепостнической системы в первой половине XIX в. привел к массовому обезземеливанию крестьян в Литве, к усилению их эксплуатации, вызвав ряд восстаний крестьян. Еще больший

³ «Армянские беллетристы», т. I, М., 1893.

⁴ См. С. Г. Арешян, Армянская печать и царская цензура, Ереван, 1957, стр. 314—315.

⁵ Там же, стр. 316—317.

размах крестьянское движение приняло после отмены крепостного права. Руководство этим движением возглавили революционеры-демократы С. Сераковский, А. Мацкявичус, К. Калиновский. Опираясь на литовских помещиков и католическое духовенство, самодержавие в 1863 г. жестоко подавило восстание. Наступила полоса разгула реакции — расстрелов и ссылок на каторгу, запрещения литовской печати и школы. С некоторыми послаблениями эти преследования продолжались вплоть до первой русской революции 1905 г.

Даже из краткой характеристики общественно-политической обстановки, сложившейся в Литве во второй половине XIX в., и небольшого экскурса в ее историю видно, сколь много общего намечалось здесь с настоящим и прошлым Армении, какая близость идейных устремлений существовала на основе этой общности у мыслящих представителей обоих народов. Как для Литвы, так и для Армении ее присоединение в начале XIX века к России явилось актом большого прогрессивного значения, избавив армян от тяжкого ига персидских шахов и постоянной опасности физического уничтожения. Вхождение в состав Российской империи, уже вставшей на путь капиталистического развития, привело к значительным экономическим сдвигам в жизни армянского народа, к упорядочению администрации и правопорядка, создало более благоприятные условия для распространения просвещения. Армянская литература, как и вся культура, усваивая опыт и достижения русского народа в этой области, вступила в новый период своего развития.

Однако в самодержавной России армяне, как и все другие подвластные ей национальности, подвергались угнетению и были лишены самоуправления, их национальная культура преследовалась и ограничивалась царизмом. Проведенная в 1870 г. в Армении крестьянская реформа не уничтожила феодально-крепостнических отношений, а оставила крестьян в тяжелой зависимости от землевладельцев — меликов и церкви. Интенсивное обезземеливание и разорение крестьян, их переселение в города, крестьянские восстания, периодически потрясавшие Армению, расслоение деревни и появление кулаков-мироедов, ретроградная роль церкви и т. п. — весь этот круг общественно-политических проблем, встававший перед армянской общественной мыслью, в главных своих чертах был един для представителей интеллигенции не только армян, но и всех других народов, населявших Россию, в том числе и литовцев.

К чему сводились в этот период требования представителей литовской интеллигенции, стоявших на демократических позициях, к числу которых принадлежал и А. Кришюкайтис? В основном — к полному снятию ограничений в области духовной жизни народа, развитию просвещения, права пользования родным языком. Они выступали не только против русификаторской политики царизма, но и собственных помещиков и кулаков, нещадно эксплуатировавших крестьян, против клерикалов, державших народ в темноте и проповедовавших безропотное подчинение угнетателям. Литовским демократам казалось, что, разрушив все преграды на путях развития национальной культуры, они добьются возрождения литовского народа. Понятно, что при прогрессивности и исторической оправданности этих идей они, в конечном счете, выражали устремления литовской либеральной буржуазии.

Острым и злободневным вопросам, волновавшим в те годы литовскую демократическую общественность, посвящена и статья А. Кришюкайтиса «Армянские беллетристы». Она начинается с заявления автора о том, что его особенно занимают те периоды в истории отдельных народов, в которых «проявляется борьба за жизнь — не физиологическую, не за каждого индивида в отдельности, но борьба за духовную жизнь всего народа... Подобными светлыми периодами отмечены в истории человечества все великие реформы общественной жизни, например, в конце XVIII в., когда в жизни всей Европы совершился переворот. Своеобразный духовный подъем мы наблюдаем и в России в 70-х годах».

Подобного обновления жизни жаждет для своего народа и литовский писатель. Однако, находясь в плену идеалистических представлений о закономерностях общественного развития, он видит движущую силу этих переворотов в деятельности отдель-

ных людей, которые «ощущают в себе столько духовной силы и энергии, что могут повернуть в иную сторону всю жизнь народа, поставить его на новый путь, освещенный теми идеями, во имя которых они борются с противостоящими им элементами». Вместе с тем, в этой части статьи литовского писателя имеются и правильные мысли. Он справедливо указывает, что сам факт появления отдельных людей, подчинивших свою жизнь высокой цели борьбы за общее благо, свидетельствует о том, что в массах уже назрела потребность в коренных изменениях.

«И чем больше у народа таких людей,— пишет автор.— тем богаче его жизнь, тем народнее содержание его культуры. Но если народ уже возродился, то он, словно только что родившийся живой организм, в самом себе находит живительные силы для питания своих деятельных сынов. Получая импульс от того же возродившегося тела, они крепнут в атмосфере, соответствующей их природе, чтобы достойно выполнить свои функции».

От общих рассуждений о прогрессе и его деятелях А. Кришюкайтис переходит к задачам, которые стоят перед литовским народом и его интеллигенцией: «Так и мы, литовцы, будучи еще лишь возрождающимся народом, должны иметь своих деятельных членов. Их порождает сам народ, он сам их выращивает и дает им пищу. Но если пищи не хватает или в силу каких-то причин ее нельзя найти на родной почве, то мы, как пчелы, должны лететь в чужие поля, где запахи «дорогих цветов» принимают одинаково любого гостя».

Таким прекрасным полем, где можно вдохнуть живительные запахи, ободряющие дух человека и зовущие к подвигам, А. Кришюкайтис называет армянскую литературу, произведения которой помещены в сборнике «Армянские беллетристы». Познакомившись с ними, «каждый захочет следовать по пятам великанов духа, которые в силах поднять весь народ», ибо, описывая процесс возрождения армянского народа, «армянские писатели раскрывают столько прекрасных и симпатичных сторон человеческой природы, столько самоотверженности во имя идеи блага человечества, что это оставляет глубокое впечатление, укрепляет дух человека, будит его высокие чувства, служит лучшим орудием для воспитания гражданина, деятельного представителя народа».

Но прежде чем передать своим читателям содержание этих произведений и познакомить их с жизненным и творческим путем армянских писателей, А. Кришюкайтис сообщает некоторые сведения о самом армянском народе. Он отмечает, что армяне — один из древнейших народов мира, упоминание о котором встречается в истории за много столетий до нашей эры. «За столь длительный период,— пишет он, — уделом Армении было горе под игом чуждых властителей: она была подвластна и Ассирии, и Персии, и Македонии, и селевкидам, и арабам. Только очень короткое время она имела своих, никому не подвластных вождей. В XV в. Армения подпала под самое тяжкое ярмо: одна ее часть досталась персам, другая — туркам. Начались преследования. Армяне стали переселяться в чужие края — в Африку, Индию и Россию. Лишь в XIX в. положение армян несколько облегчилось: в 1829 г. и в 1878 г. Россия, несколько усмирив турок и персов, присоединила часть Армении к своему государству. Теперь 1/6 часть Армении принадлежит России, 1/6 — персам и 2/3 подвластны туркам».

А. Кришюкайтис в высшей степени доброжелательно отзывается об армянах, их единстве и солидарности, стремлении к просвещению. Он упоминает многих известных в России армян — военачальников, ученых в различных областях науки, крупных государственных деятелей. Особое его одобрение вызывает то, что «армянин и в чужом краю никогда не изменяет своей национальности».

Коротко останавливается А. Кришюкайтис и на истории армянской литературы. Отнеся ее начала к IV в., он говорит о следующем столетии как золотом веке ее расцвета, после чего армянская литература «все больше слабеет и хиреет». Здесь литовский писатель повторяет распространенную в дореволюционном литературоведении ошибочное утверждение о некоем разрыве между древней и новой армянской литературой, которое он усвоил через посредство авторов вступительных очерков к сборнику

«Армянские беллетристы». Вместе с тем сведения, сообщаемые им о развитии армянского литературного языка — грабара и ашхарабара, — говорят о том, что помимо упомянутого сборника А. Кришюкайтис пользовался и специальной литературой, видимо, исследованиями европейских ученых.

Свое обозрение истории Армении и ее литературы литовский писатель заканчивает так: «Таким образом, оборачиваясь к прошлому армян, мы видим народ, стонущий под чужим ярмом целые века, — народ, который вначале проявил оживление, затем постепенно, в течение столетий отдал себя на порабощение полуварварскими народами, не смея поднять голос против их жестокостей. Но вот появились мужья нового, здорового духа, которые, будучи добродетельными и умными людьми, не могут спокойно смотреть на своих слабых, впавших в апатию соотечественников; все свои силы и талант они отдают общему делу, благу народа, его спасению».

Следующий раздел своей статьи А. Кришюкайтис посвящает характеристике армянских писателей нового времени, которые «возродили свой народ, создав для него замечательную литературу, проникнутую национальной идеей». Именно благодаря этому «армяне сплотились в одно большое общество, называющее себя сегодня с полным правом армянским народом».

Из армянских беллетристов автор особо выделяет Х. Абовяна, как глашатая национальной идеи, и Раффи, как ее величайшего распространителя. Он подробно рассказывает о жизненном пути основоположника новой армянской литературы, подчеркивая его энциклопедическую образованность, а главное, его страстное желание отдать себя на служение родному народу. «Сохранился небольшой портрет Абовяна тех лет, когда он был еще студентом, — пишет Кришюкайтис. — Взглянув на его молодое, красивое лицо, особенно на его глаза, скажешь, что он идеалист, мысли которого парят лишь в высоте. Абовян был действительно мечтателем, одним из самых симпатичных, каких только мы знаем, и, однако, этот же человек был способен переходить от грез к делу, без усталости работать, угадывать насущные потребности своего народа...».

Выделив в биографии Х. Абовяна годы учения в Эчмиадзине, автор обрушивается на оторванную от жизни, сухую и отсталую педагогику, господствовавшую в церковных учебных заведениях. Он указывает, что здесь на первое место ставился авторитет и принимались все меры к тому, чтобы дети не смели самостоятельно мыслить и к чему-либо стремиться. Их удел состоял в смирении и покорности, которых духовные пастыри достигали при помощи розги. Все это знакомо и близко литовскому писателю и составило тему его рассказа тех лет «Сельская школа», где обличались невежественные деревенские ксендзы, обучавшие детей схоластике. И когда он, продолжая, пишет, что попытки церковников заглушить природный талант Х. Абовяна, его тяготение к науке, разгоравшийся в нем патриотический дух не удались, напротив, вскоре среди учащихся нашлись единомышленники, заразившиеся от него новым духом, — А. Кришюкайтис дает литовскому юношеству образец для подражания.

В том же плане переклички с современной литовской действительностью освещен в статье и ряд других эпизодов из биографии Х. Абовяна. Так, говоря о дерптском периоде жизни армянского просветителя и выпавших на его долю испытаниях, А. Кришюкайтис замечает, что Х. Абовяну нужна была твердая воля и великая идея служения родине, чтобы преодолеть все трудности, в результате чего «он стал действительно просвещенным европейцем, оставаясь наряду с этим и хорошим армянином». Или, остановившись на возвращении Х. Абовяна в Армению и сказав о чинимых ему препятствиях в области реформы народного образования, литовский писатель с горечью замечает, что лишь после многих мытарств Абовяну удалось организовать маленькую частную школу. «Не об этом мечтал он, будучи студентом. Но все же здесь ему представлялась возможность преподавать так, как ему хотелось. Все свои силы он отдает теперь своей школе, вводит новую систему обучения, преподавание немецкого языка, гуманное обращение с учениками, заботится о том, чтобы у учеников появилось желание учиться, чтоб они осознали необходимость и ценность родины, полюбили и узнали ее горе и невзгоды. Он хотел воспитать таким образом новое поколение людей, которое было бы

г силах бороться с невежеством, и пробудить в армянском народе национальное самосознание. И из этой небольшой школы с течением времени вышло немало деятельных лиц, которые, окончив зарубежные университеты, вернулись на родину и работали на благо своего народа».

Много места отведено в статье А. Кришюкайтиса и литературной деятельности Х. Абовяна, особенно роману «Раны Армении». Величайшую заслугу Х. Абовяна литовский писатель видит в том, что он был одним из первых, кто заговорил о необходимости создания нового литературного языка, доступного простому народу и одновременно достаточно богатого и гибкого, чтобы выразить все современные понятия. Изложив предисловие к роману и приведя из него выдержки, автор пишет: «...Таково предисловие первого армянского романа. Очень интересен и сам роман. Это национальная эпопея, рассказанная прозаическим языком, эпопея, в которой Абовян хочет показать, как страдает армянский народ, вернее говоря, та его часть, которая находится под персидским игом. Автор неспроста назвал роман «Раны Армении». Хотя Абовян и говорит в предисловии, что хочет «восхвалить, прославить свой народ», но на самом деле показывает больше темные, печальные стороны армянской жизни, нежели красивые...».

Кратко пересказав сюжет романа и характеризуя его главных действующих лиц, автор отмечает, что «реальность и национальная идея — две особенности романа Х. Абовяна». И хотя это определение взято А. Кришюкайтисом из очерка к сборнику «Армянские беллетристы», тут важен не источник заимствования, а признание существенности для дела национального возрождения той литературы, которая сохраняет верность жизни и наполнена глубоким идейным содержанием. Далеко не случайно анализ романа «Раны Армении» заканчивается указанием на то, что идеи, провозглашенные Абовяном, нашли свое развитие в сочинениях многих других армянских литераторов, что «они вели также пером Раффи», превратив тем самым армянскую литературу в предмет гордости армянского народа.

С большим внутренним чувством написан раздел статьи, посвященный Раффи. Это объясняется не только близостью по времени и, тем самым, современностью и злободневностью произведений армянского писателя, но и некоторой особенностью его творчества — одержимостью протеста против безропотности и пассивности, страстностью призывов к действию.

Помимо общности в области внутренних проблем, литовцев сближала с армянами и та национально-освободительная борьба, которую вели последние за воссоединение находившейся под турецким игом Западной Армении с Восточной. Сама Литва, как говорилось, после ее присоединения к России оказалась разделенной надвое: ее западные земли оставались в составе Пруссии и их население подвергалось онемечиванию. Это обстоятельство делало еще более понятными и родственными для литовцев идеи, воодушевлявшие национально-освободительное движение армян, их также волновали сочинения Раффи, Р. Патканяна и других армянских писателей, в которых выражался пафос этой борьбы и описывались страдания армян под игом турок. В своей статье А. Кришюкайтис приводит в переложении на прозу стихотворения Р. Патканяна «Вздохи», а несколько позднее — в 1897 г. тот же журнал «Варпас» публикует «Слезы Аракса» в переводе поэта Марцелинаса Шикшниса. Если судить по статье Кришюкайтиса и откликам литовской прессы, общественность Литвы была хорошо информирована об ужасах кровавых репрессий турецких варваров против мирного армянского населения, о героике сопротивления армян, огромном подъеме их патриотических чувств, их активном участии в русско-турецких войнах, об организации тайных обществ с целью освобождения Западной Армении. Прогрессивные круги Литвы искренне поддерживали борьбу армянского народа и глубоко сочувствовали выпавшим на его долю испытаниям и бедствиям.

Все это объясняет и тот огромный интерес, который проявляет литовский писатель к личности и произведениям Раффи. Познакомив читателей с биографией армянского писателя, А. Кришюкайтис характеризует его как «человека в высшей степени одарен-

ного», «горячего и смелого патриота», чьи сочинения, «насыщенные глубокими идеями, сильно притягивали к себе армянскую общественность», сделав его имя «одним из самых любимых и почитаемых в народе». «Армяне,— продолжает автор,— никогда не забудут его «Джалаледдина» и «Хента» — такая замечательная и не теряющая своей силы тенденция заложена в этих произведениях... Наиболее важными и интересными являются те его произведения, которые содержат национальные тенденции. Следует в связи с этим сказать, что армяне, может быть, со временем позабудут или уже не будут дорожить другими заслугами Раффи, но никогда они не забудут его как заступника своих поработанных соотечественников. Национальная тенденция сочинений Раффи является очень важной не только для армян, но и для нас, литовцев. Поэтому мы не можем умолчать, не отметив более широко о ней и о тех условиях жизни, которые так ярко обрисованы в сочинениях Раффи».

Остановившись на положении армян в Турции, А. Кришюкайтис приводит факты полного отсутствия правопорядка и законности в этой стране, взяточничества и прямого грабежа со стороны властей, преследований веры и национальной культуры и, что ужаснее всего, зверского физического уничтожения армянского населения. «Беспорядочное государство, погрязшее в долгах, с каждым днем все больше притесняет разоренную турецкую Армению новыми налогами. Эти налоги взимаются с людей зверскими методами. В русских и иностранных газетах не раз писалось о том, как бесчеловечно турки мучают тех, кто не выплатил требуемых налогов... Тягчайшим бедствием являются постоянные нападения хорошо вооруженных курдов на армян (им запрещено иметь оружие), которые совершаются с ведома и по прямому наущению турецких властей. Едва только армяне уберут хлеб с полей, как курды нападают на деревню, отбирают все, часто насилуют женщин, других забирают с собой, оставляя разоренную деревню в пламени и слезах. Часть добычи и красивые девушки достаются турецким чиновникам... В течение 20 лет (1849—1869) в архивах армянского патриарха в Константинополе накопилось 950 жалоб на убийства, поджоги, разграбление монастырей и храмов, оскорбления женщин и т. д., но все они остались без внимания со стороны властей... Ежегодно несколько десятков учителей армянских школ пребывает в турецких тюрьмах, Армян притесняют даже в мелочах: например, в учебниках географии и истории запрещено употребление слова «Армения», даже если речь идет о самой отдаленной эпохе. Другими словами, турки, притесняя армян, всячески стараются затормозить их культурное развитие...».

Трагедия одного из древнейших и культурных народов мира, говорит А. Кришюкайтис, породила и ее выдающегося ообразителя — писателя Раффи. Он первый «изобразил горести Армении и, будучи просвещенным защитником дела народа, провозгласил в своих сочинениях высокие человеческие идеалы. Он понял, что для армянского беллетриста, если только он пишет с тенденцией, самым важным является показ в своих сочинениях быта соотечественников и выработка новых национальных идеалов. Раффи смело пошел по этому пути и не ошибся: популярность его имени и сочинений показала, что народ понял и полюбил его».

Проникновенно, с глубоким знанием текста А. Кришюкайтис пересказывает содержание повести «Джалаледдин» и романа «Хент», приводит из них многочисленные выдержки. Его, как и армянского писателя, занимает вопрос: можно ли винить народ в пассивности, в недостатке энергии в борьбе против поработителей? С малых лет, отвечает он словами Раффи, ребенок в семье приучается к покорности и послушанию, в школе его не знакомят с требованиями жизни и с настоящим положением родины, а церковь лишь обещает за скорбь и горе на земле — вечную радость на небесах. В произведениях Раффи внимание литовского писателя останавливают образы «новых людей», тех первых борцов против тирании, за которыми должны следовать другие, продолжая и развивая начатое ими дело. «Отметив их появление, Раффи вместе с тем указал на еще более важное обстоятельство, что и в самом народе среди непросвещенных людей начинается биться светлая струя новой жизни». В повести «Джалаледдин» — это Саграт, который подобно Агаси из романа Х. Абовяна, посвящает себя

борьбе с врагами народа и умирает, спасая своих братьев от курдов. В романе «Хент» — это Вартан, ненависть которого одушевлена идеями, проповедуемыми другим героем — Дудукчяном, зовущим к борьбе уже не против отдельных разбойников, а всего разбойного правления турок.

С особенной любовью говорит А. Кришюкайтис о втором поколении «новых людей», выведенных Раффи в романе «Искры». Он отводит им больше одной трети своей статьи и прямо заявляет, что «по своему содержанию этот роман настолько интересен и поучителен для нас, литовцев, что было бы необходимо иметь его в нашей литературе». Заметив, что по сравнению с предыдущими произведениями Раффи в романе «Искры» отсутствуют тяжелые сцены нечеловеческих преследований армян и что он посвящен деятельности новых людей, ставших вожаками, руководителями своего народа, литовский писатель видит в них идеал для всех тех, кто стремится служить своей родине. «Раффи не утверждает, что такие народные деятели, о которых он повествует, уже имеются; нет, он словно говорит своему народу: вот каким должен стать каждый настоящий патриот, такая выдержка, такие воззрения на жизнь должны быть у тех, кто возьмет на себя освобождение своей родины. Роман «Искры», обладая реальной основой жизни своего времени, дает вместе с тем программу для будущих борцов».

Автор в деталях рассказывает о деятельности главных героев романа — Аслана, Каро, Фаргата и Маро, которые, «тревожась и волнуясь за бедствия родины, решают по-своему, очень необыкновенно основные вопросы». Литовского писателя прежде всего привлекает стремление этих молодых деятелей всесторонне узнать свою отчизну. Он приводит слова Аслана, что когда «доктор хочет лечить человека от какой-нибудь болезни, он прежде всего должен ознакомиться с устройством его тела. Если же мы хотим принести какую-то пользу нашему отечеству, мы прежде всего должны узнать его». Это желание, подчеркивает А. Кришюкайтис, продиктовано их стремлением пробудить народ и повести его против своих угнетателей. «Эти две цели заставляют их странствовать по всей Армении, изучать жизнь народа и собирать различные сведения. В романе можно найти даже статистические сведения, очень полезные для тех, кто захочет узнать о действительном положении Турецкой Армении».

Литовский писатель указывает, что Аслан и его друзья интересовались всеми нуждами народа. Обходя родной край, расспрашивая и изучая народ, как врач больного, они наконец смогли установить правильный диагноз и в зависимости от этого строили свою деятельность. Они хорошо понимали возможность каждой прослойки своего народа и знали, на кого должны опираться в своей работе, где находятся те «искринки», которые надо раздувать в пламя.

Одобрение автора статьи вызывают и другие стороны деятельности молодых героев романа Раффи — проникновение в стан турецких чиновников, чтобы узнать их слабости и в нужный момент использовать это; преследование тех ренегатов-доносчиков из армян, которые предают своих собратьев; бескорыстная помощь всем тем, кого несправедливо обижают; защита своих соотечественников в случаях недостойного обращения с ними и т. д. «И эта группа молодых энтузиастов, — пишет он, — уже не одинока: в народе все сильнее проявляется новый дух. Аслан и Каро имеют своих агентов или помощников по всей стране, каждый из них доставляет им необходимые сведения о своей местности и готовит народ к восстанию. При необходимости Аслан и его друзья посылают на места преданных людей, чтобы собрать нужные сведения и узнать о положении дел. Время от времени эти посланцы собираются в одном месте и отчитываются о выполнении заданий».

Много места уделено в статье вопросу о месте и роли «руководящего класса» — купцов и духовенства в освободительном движении народа. Не без внутреннего удовлетворения автор цитирует слова одного из героев романа: «Что за чудовища наши купцы-капиталисты, живущие кровью и потом народа!». Перейдя же к духовенству, литовский писатель подбирает наиболее резкие характеристики о них из произведений Раффи: «Священники всегда противятся развитию индивидуальной свободы, а также идее национальности. Они не могут примириться с тем, что человек считает известную стра-

ну своей родиной и связывает с нею свою жизнь, свое существование... Если когда-нибудь бог потребует от врагов нашего народа ответа за разрушение Армении, за кровь ее сынов, то первыми ответчиками окажутся наши духовные лица».

Итак, спрашивает А. Кришюкайтис в своей статье, где же та сила, которая приведет к возрождению народа? И вслед за Раффи он ее видит в деятельности «новых людей», твердо верящих в жизненные силы своего народа, находящих в нем «те искры, раздувать которые они считают своим долгом, главной целью своей борьбы».

Свою статью литовский писатель заканчивает описанием символического сна, однажды привидевшегося герою романа «Хент» Вартану — картины свободной и процветающей Армении.

«И хотя то был сон, — пишет он, — но слава тем, кому в безотрадную ночь могут сниться такие сны. Слава тем, кто неустанно трудится во имя родной земли, призывает ее к обновлению и будит в сердцах людей веру, что подобные сны могут сбываться».

Такова статья А. Кришюкайтиса «Армянские беллетристы», продиктованная глубокой заинтересованностью ее автора в судьбах литовского народа и сочувствием освободительной борьбе армянского народа. Она навсегда сохранит свое значение не только в плане литовско-армянских литературных взаимосвязей, но и в качестве яркого свидетельства дружбы и братства обоих народов.